

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ОГНЕННЫЕ РЕЛЬСЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

Огненные рельсы / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Лесная гвардия. Романы о партизанской войне).

ISBN 978-5-04-248610-4

1941 год. В Белоруссии воюет с фашистами партизанский отряд капитана-пограничника Петра Романчука. С «большой земли» в расположение лагеря пробирается связной, который указывает бойцам тайник, где хранится рация и запас провизии. По налаженной связи командир отряда получает задание: уничтожить железнодорожный узел, через который немцы перегоняют составы с горючим. На станции работает диспетчером некто Илья Павлов, гитлеровцы держат его «на крючке», шантажируя участью дочери. По данным партизан, именно этот человек знает точное расписание фашистских эшелонов и может помочь им осуществить предстоящую акцию. Однако, для этого они должны будут сообщить ему одно тревожное известие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248610-4

© Зверев С., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

— Ну что, пограничник, заблудился? — Лещенко стряхнул с поваленного ствола дерева снег и уселся на него.

— Тихо. — Романчук поднял руку и прислушался.

С тех пор как Зоя ссадила их в лесу с саней, партизаны уже около часа шли пешком через заснеженный лес к станции Ходоцы. Ветер усилился, стали покачиваться лапы вековых елей, на людей иногда с их огромных лап летел снег. Звук ветра заглушал скрип снега под ногами, мороз ослабевал и в кронах деревьев снова оживились птицы. Постояв несколько минут, Романчук махнул рукой инженеру:

— Ну, пошли. Показалось.

Лещенко покачал головой. Не верилось ему, что опытному пограничнику может в лесу что-то

показаться, померещиться. Но и сам Романчук стал идти осторожнее и чаще прислушиваться. Он тоже доверял своей интуиции. Скоро им предстояло выйти из леса и оказаться с южной стороны железнодорожной станции. Капитан понимал, что его отряд за последнее время сильно растревожил немцев. Особенно когда партизаны помогали советскому летчику Седову покинуть на самолете место вынужденной посадки и для этого пришлось даже уничтожить один мост и удалось перебить несколько десятков фашистов. Немецкие командиры пока не рискуют соваться в бескрайние белорусские леса. Партизаны этим пользовались, правда, приходилось совершать очень долгие переходы, чтобы выйти в нужном месте из леса и разведать обстановку. Благодаря карте, которую им оставил Седов, партизаны получили представление о том, в каких местах они оказались. И их очень заинтересовали две железнодорожные станции в Ходоцах и Ивацевичах. Романчук решил разведать обстановку на станции и попытаться придумать, как совершить там диверсии, чтобы немцы понесли от этого большой урон. Несомненно, в этом будет большая помощь Красной армии, которая сдерживала врага на востоке, отогнала от Москвы. А возможно, и готовит крупное наступление

на вражеские позиции, чтобы выгнать фашистов с советской земли.

Предаваясь своим размышлениям, Романчук не переставал наблюдать за окружающим лесом. Вот уже и опушка показалась. Между деревьями, которые теперь заметно росли реже, он видел поле, дорогу. Пограничник замер на месте, прижавшись к старому дубу, и сделал рукой жест, заставляя остановиться и Лещенко. Следы! Они были свежими, оставленными после небольшого ночного снегопада, и шли вдоль опушки. А вон там подальше прошел не один человек, а сразу двое. Партизаны медленно опустились на корточки и замерли за деревьями, прислушиваясь. Сквозь легкий шелест промерзших ветвей еле слышно звучали голоса. Все ясно — тут засада. Надо уходить и пытаться выйти к станции в другом месте. Но тут Романчук услышал встревоженный резкий возглас на немецком языке. Капитан обернулся и увидел двух фашистских солдат за спиной, которые таращились на только что оставленные партизанами следы.

Немцы сразу уловили движение, но Романчук оказался быстрее — он развернулся в сторону врага всем телом и вскинул автомат. Длинная очередь нарушила тишину зимнего леса, свалив сразу одного солдата, а потом и второго,

попытавшегося укрыться за деревьями. Немец еще сползал по дереву, за которое перед смертью ухватился руками, а Лещенко уже открыл огонь по немцам, показавшимся на опушке. Еще один солдат был убит или тяжело ранен. Остальные рассыпались за деревьями и открыли ответный огонь из винтовок. Хлесткие звуки винтовочных выстрелов смешались с сухим шелестом «шмайсеров». Романчук стрелял то в одну, то в другую сторону, пытаясь понять, сколько здесь немцев и как они намерены действовать.

Лещенко не подвел — он действовал именно так, как они и договаривались перед выходом на разведку. По знаку своего командира, открывшего огонь по врагу, он отползал, уходил перебежками назад, занимал позицию и огнем из автомата прикрывал отход командира. Теперь уже сам Романчук отползал, вскакивал и короткими перебежками отходил в глубь леса. После того как Романчук ранил в ноги активно командовавшего среди немцев унтер-офицера, активность врагов уменьшилась. Они еще продолжали стрелять по лесу из винтовок, но углубляться в лес и преследовать партизан не рискнули. Еще минут двадцать посвистывали в воздухе пули, били в замерзшие стволы, сбивая с веток снег. Романчук и Лещенко устали, уселись прямо на снег, от-

кинувшись спинами на ствол березы. Оба тяжело дышали, вытирая пот с лиц.

— Ну, теперь вот так, — сплюнув, сказал Романчук, — теперь осторожнее надо быть. Видишь, какое дело — засады стали выставлять на опушках.

— А хорошо мы разворошили это осиное гнездо, — тихо рассмеялся инженер. — Пусть забудут о спокойной жизни в глубоком тылу! Это вам не по хатам сидеть и шнапс пить. Лежите и опасайтесь, что мы где-то снова из леса выйдем. Скольких мы успокоили сегодня? Троих?

— Четверых точно, — усмехнулся Романчук. — Пошли, торопиться надо, а то Зоя там возле саней с ума сойдет от волнения за нас.

Зоя и правда испугалась за своих товарищей, когда услышала вдалеке звуки боя. Девушка боролась с собой, еле сдерживаясь, чтобы не прыгнуть в сани, не стегнуть Соколика и не помчаться на помощь командиру. Но приказ есть приказ, это Зоя тоже хорошо понимала: без жесткой дисциплины воевать нельзя. А приказ был следующим: высадить разведчиков и ждать их. Если к утру группа не вернется, то возвращаться в лагерь. В бой вступать с немцами только в том случае, если они нападут. И Зоя кусала губы, стискивала кулаки, то и дело брала из саней автомат и снова возвращала его назад. Девушка даже

два раза забиралась на дерево. Влезть очень высоко у нее не получилось, но все же что-то она видела чуть дальше, чем стоя у саней. С дерева она и увидела возвращающегося командира и Лещенко. Оба были целы, не ранены, и Зоя облегченно вздохнула.

В доме было тепло, тесно, но кое-какие изменения успели внести, использовав нехитрый домашний инструмент, оставшийся в доме. Ручная пила, топор, старая стамеска — и вот под руководством Лещенко партизаны уже соорудили из ровных очищенных стволов молодых осинок двухъярусные лежанки на шестерых мужчин. На кровати теперь спали Елизавета с дочерью, а Зое устроили дополнительную кровать из старых досок, которые нашлись в сених.

— Ну, вот примерно такая ситуация, — закончил свой рассказ Романчук собравшимся вокруг него партизанам. — Других выводов я не вижу.

— Да, враг активизировался, видимо, не такими уж безобидными были наши действия, — тонком опытного вояки заявил Игорь.

— Ну, несколько боев, сожженный мост и колонна с горючим да еще самолет, который мы им не дали захватить — это все не могло не заставить фашистов отнестись к нам серьезно, — вставил Канунников. — Теперь они с нами считаются,

а это значит, что мы с вами полноценное боевое подразделение.

— Но остается открытым вопрос, а как нам теперь жить дальше? — со смехом развел руками Бурсак. — Это ж получается — туда не ходи, сюда не ходи!

— Ну что же, — пожал плечами Романчук. — Дело очевидное. Все как в бою: когда враг предпринимает против тебя неожиданные действия, ты должен в ответ изменить тактику на непредсказуемую для врага. Только так достигается преимущество на поле боя. Враг стал применять тактику засад на опушках в местах нашего наиболее вероятного появления? И мы станем выходить из леса в самых неудобных местах или под прикрытием.

— Точно! — загорелся Канунников. — Одна группа обследует выход из леса, заставляет врага раскрыться, если на опушке есть засада, и тогда группа разведчиков выходит из леса в другом месте, в стороне от боя, который мы навяжем врагу!

— Идея хорошая, но годится она на один-два раза, — как всегда, остудил пыл товарищей Сорока, и все вопросительно посмотрели на особиста. — Вы думаете, что фашист такой уж дурак? Немцы сообразят, что мы пытаемся что-то предпринять, и будут стараться противостоять нашим хитростям. И не всегда они будут с опаской на лес

смотреть со стороны. Накопят силы, вызовут какую-нибудь часть или снимут с марша. И тогда только держись.

— Что ты предлагаешь? — хмуро спросил Романчук.

— Вести себя осторожнее и не храбриться, как подростки перед дракой с пацанами в районе. А тактику нужно придумывать каждый раз новую, не повторяться. И разведку вести. Фашист думает, что мы в лесу сидим безвылазно, а здесь у нас должна быть только база, только тыл и склад. Лазарет, если придется. А основные силы должны большую часть времени проводить не в лесу.

— А что, Олег Гаврилович прав, — согласился Романчук. — Вот что значит голова у контрразведчиков работает в нужном направлении. Не зря же мы знакомство заводили с той же теткой Пелагеей.

— Вот насчет лазарета вы бы поосторожнее, — покачала головой Елизавета. — Веткой палец поцарапать, ногу натереть, да и простуду вылечить — это еще не так страшно, а вот избежать ранений следует. Будьте осторожнее — ведь я не хирург, да и медикаментов у нас почти нет.

Сказав это, женщина перевела взгляд на Светлану. Романчук посмотрел на жену, на дочь и промолчал. Светлана все никак не восстанавливалась после концлагеря: мучили постоянные головные

боли, головокружение, бывали приступы слабости. Ей нужно усиленное питание, витамины: зелень, фрукты. В доме лесника остались засушенные травы из летнего сбора, и Елизавета заваривала их для всего отряда за неимением чая. Но для ослабевшей девушки этого было мало. Хотя бы прошел изводящий ее кашель. Партизаны продолжали обсуждать положение. Скоро будет нехватка боеприпасов. Пополнить запасы можно только за счет врага, а значит, снова нужна разведка, нужно найти небольшой гарнизон или выследить маленькую группу вражеских солдат, с которой горстка партизан справится. Продуктов, захваченных с обозом, тоже до весны не хватит. Значит, придется совершать рейд и захватывать продукты у врага. Обращаться к местному населению не столько опасно, сколько без толку. Люди сами голодали после поборов, с которыми в села и деревушки наведываются фашисты, да и полиция из местных не стесняется отбирать последнее.

— А как вы думаете, старший лейтенант долетел? — задумчиво спросил Игорь. — Как бы хотелось, чтобы долетел, чтобы доложил о нас самому главному командованию. И какой-нибудь генерал бы сказал, что надо поддержать отряд Дяди Васи, помочь ему. И тогда партизаны будут добывать важные сведения для Красной армии.

— Самое главное командование, — с иронией повторил Сорока. — Генерал! Позвонили в летный полк и отдали приказ. Вот старшего лейтенанта на задание какой-нибудь майор и отправил. А когда он вернулся с большим опозданием, ему или не поверили, или его сведения уже устарели. Веры им нет.

— Это почему же ему могут не поверить? — удивился Бурсак. — Человек, значит, жизнью рисковал, матчасть спасал и аппаратуру. Вырвался, значит, из лап врага и вернулся в часть, выполнив задание командования. А ему не поверят?

— Конечно, — спокойно подтвердил свои опасения Сорока. — Очень это неправдоподобно, на сказку это похоже. Ну ты сам поставь себя на место командира этого Седова. Улетел летчик и не вернулся, несколько дней его не было и вдруг возвращается, и самолет целехонький, и аппаратура при нем, и даже разведывательные данные есть. А где был столько дней? У партизан, о которых никто слыхом не слыхивал, или у немцев, которые сказочку эту сочинили и липовые данные вложили. Как докажешь: герой Седов или предатель, который жизнь свою спасал?

— Ну, ты это... — Лещенко неопределенно покрутил пальцами в воздухе и осуждающе покачал головой.

— Правда, Олег Гаврилович, — вступилась за летчика Зоя, — почему же сразу такие мрачные картины, почему сразу такое недоверие?

— Да потому, что вы наивные и не знаете службы, — спокойно возразил Сорока. — Риск какой безоглядно доверять. Если он честный летчик, тогда хорошо. А если предал? А вы хоть понимаете, сколькими жизнями солдат заплатит тот самый генерал, который поверит этому рассказу без доказательств, если это дезинформация, подсунутая немцами? Эх вы, партизаны! Нельзя на войне быть такими легковыми. Цену слишком большую можно заплатить за доверие.

Партизаны помолчали и стали расходиться по дому, чтобы заняться своими делами. Кто рубашку зашить, кто оружие почистить или портянки постирать. Каждый думал о словах особиста. Вроде и прав он, но уж больно эта правда была какая-то однобокая, уродливая. Так ведь можно вообще перестать верить всем на свете. Должны же быть и какие-то другие подходы в этом вопросе. А какие? Более всего слова Сороки задели Зою. Она была уверена, что если на ее пути встретится предатель, так она его в два счета раскусит. Обязательно его глаза выдадут, голос. Да и о чем тут говорить, ведь по человеку всегда видно, говорит он правду или нет. Только почему другие не возразили особисту,

неужели ее товарищи думают иначе и согласны, что Седову могут не поверить в штабе?

Зимой ночи не так черны, как летом. Из-за снега они не бывают непроглядными, как в пасмурную летнюю ночь, когда на небе нет не только луны, но и ни звездочки. И поэтому группа из трех человек под командованием Сашки Канунникова отправилась в путь в шесть часов утра, чтобы к рассвету выйти на опушку в районе станции Ходоцы. Часть пути они преодолели на санях, а потом Бурсак, высадив разведчиков, вернулся в лагерь. Группа продолжила путь пешком. И к десяти часам утра, когда стало совсем светло, партизаны приблизились к опушке. Оставалось пройти по открытой местности среди редколесья и высокого кустарника пару километров, и группа окажется у крайних домов городка.

— Выйдем к опушке и передохнем с полчасика, — сказал Канунников. — Силы надо восстановить. А то неизвестно, с чем мы там столкнемся. Надо быть готовыми к любой неожиданности.

Но не прошло и пяти минут, как по лесу эхом стали отдаваться звуки. Это были удары топоров. Партизаны замерли, рассредоточившись за деревьями и приготовившись к бою. Несколько минут прошли в напряженном ожидании, и только потом командир принял решение.

— Оставайтесь здесь, — приказал Канунников. — Будьте готовы к бою. Если вас атакуют немцы, сразу отходите в лес и возвращайтесь в лагерь. Не пытайтесь мне помочь — погибнем все, а это только на руку врагам. Одному мне будет легче провести разведку и понять, что там происходит и есть ли опасность. За меня остается Лешенко!

Эту истину Сашка усвоил давно — еще в Польше. Логика войны, логика выживания: это не регулярная армия, не фронтовая операция, где действуют подразделения, части и соединения. Партизанская война — это то же самое, что и разведывательно-диверсионная деятельность заброшенного в тыл врага армейского подразделения. Только действовать приходится иначе. И если в открытом бою в армии принято действовать по-суворовски — сам погибай, а товарища выручай, то в партизанских операциях всегда есть риск погибнуть всем вместе, и тогда отряд просто перестанет существовать. А задача останется невыполненной. И поэтому у партизан, как и у разведчиков, принято кому-то жертвовать собой, чтобы отвлечь на себя врага, прикрыть отход товарищей. Это очень трудно, невыносимо трудно — заставить себя не броситься на выручку товарищу, зная, что он обречен на смерть. Но у партизан, как и у разведчиков, нет права умирать всем.

Есть только один жестокий закон партизанской войны — поставленная задача должна быть выполнена, операция должна быть доведена до конца. И каждый из партизан следовал этому закону — ты лично ответственен за то, чтобы твои товарищи смогли выполнить поставленную задачу. И сейчас его товарищи только в знак согласия кивнули в ответ, потому что существует еще одно правило, которое соблюдается неукоснительно: приказ командира — закон.

Лейтенант шел длинными шагами, чтобы хруст снега раздавался реже, а расстояние он смог бы пройти большее. Но Канунников не торопился. Приближаясь к тому месту, откуда слышались звуки удара топоров, он двигался все осторожнее и осторожнее. И вот он увидел первого человека. Это был не немец и даже не полицейский. Обычный мужик с бородой и в ватнике ловко и умело рубил дерево, чередуя прямые удары с ударами под углом. А вот и еще трое. И все такие же простые мужики из поселка. Интуиция подсказывала лейтенанту, что нельзя расслабляться, нельзя выдавать своего присутствия. И он не ошибся. Через минуту между деревьями стал подниматься столб дыма, послышался треск огня. Чуть сместившись в сторону, партизан увидел трех немцев, которые грелись у разведенного костра. Ясно, заготовка дров!

Лейтенант вернулся к товарищам и пересказал им все, что увидел. Игорь сразу же вспомнил рассказ отца, как тот искал подходы к станции.

— Там, недалеко вдоль дороги, растет молодой сосняк. Можно через него пройти к поселку, — предложил он. — Дорога, как отец говорил, нерасчищенная, ею немцы не пользуются. По ней только местное население из деревень ездит на сани на рынок. Да и те, у кого пропуск есть, кто взятку в полиции дал и получил такую бумажку.

— Хорошо, пошли к дороге, — согласился Канунников.

Сашка шел первым. Он думал о Зое. Они втроем, у всех автоматы, а девушка пошла в Иващевичи одна, да еще и без оружия. Романчук прав — если ее задержат с оружием, то расстреляют на месте как партизанку или замучают в гестапо. А так беженка, самая обычная беженка, которая пробирается куда-нибудь, где можно получить работу, хоть какое-то пропитание и крышу над головой.

...А Зоя в это время сидела под елью и дышала на замерзшие руки. Как назло, на пути оказались немцы, целая колонна на подводах, которая тянулась и тянулась по дороге. Тонкие вареники промокли от снега, потому что девушка несколько раз падала в снег, спотыкаясь о скрытые под

снегом корни деревьев и толстые упавшие ветки. Дыша на руки, Зоя не спускала взгляда с немцев. Что за подразделение, куда идет, что при себе имеет. Нет, это не боевая часть, это какие-то тыловики, вспомогательные части. Может быть, идут как раз к станции, чтобы нести там караульную службу. Может быть, немцы опасаются, что в районе появились партизаны, и решили усилить охрану важных объектов. А железнодорожная станция — это очень важный объект.

И тут девушка услышала голоса. Вздвогнув, она хотела вскочить и броситься в лес, но вовремя опомнилась. Голоса были так близко, что эти люди сразу заметили бы незнакомую девушку. А то, что говорили по-русски, совершенно не означало, что опасности нет. Зоя медленно повернулась лицом в сторону голосов. Только бы не заметили, только бы прошли мимо! Зоя стиснула руки, прислушиваясь к голосам. Удаляются, неужели прошли мимо? И тут голос за спиной заставил ее вздрогнуть и обернуться так резко, что девушка потеряла равновесие и упала на бок в снег. Перед ней стоял невысокий мужчина в странной черной шинели со светлым воротником и отворотами на рукавах и с винтовкой на плече. На левом рукаве красовалась белая повязка с какой-то надписью на немецком, которую

партизанка не разглядела. Глаза у мужчины были маленькие, недобрые. Он окинул Зою взглядом, быстро осмотрелся по сторонам.

— Тихо! — произнес мужчина и поморщился, отчего шрам на его щеке сделался зловещим. — Ты не местная, что ли? Беженка?

— Я... — невнятно прошептала Зоя, не зная, как себя вести. — Да, беженка.

— Здесь не сиди, — неожиданно сказал мужчина. — В Ивацевичи идешь? Знакомые, родня там есть?

— Нет, — помотала Зоя головой.

— Врешь, — убежденно заявил мужчина и снова оглянулся. — Придешь в город — на улицу нос не высовывай. Заставят регистрироваться и отправят на работы в Германию. А к станции вообще не суйся. Сейчас вон там березняком иди, дальше балочка на опушке начинается. По ней и дойдешь до крайних домов.

— Мирон! — раздался резкий голос откуда-то слева.

— Да здесь я, иду! — отозвался мужчина и пошел на голос, обходя большую сосну.

— Ты что, грибы там нашел? — снова окликнули его.

— По нужде остановился, — недовольно ответил странный мужчина и ушел.

Постепенно голоса затихли. Хмурая Зоя быстро поднялась и, еще не понимая, что на самом деле произошло, поспешила в том направлении, которое ей указал мужчина. Быстрым шагом она двинулась через лес, пересекла цепочку следов, оставленных незнакомцами. Голосов слышно не было, и Зоя немного успокоилась. Она стала думать об этом мужчине, которого называли Мироном. Кто он такой? Судя по одежде и по тому, что он был вооружен, — это полицейский. На немецкий манер население их называет полицаями. Но почему он ее не выдал, не поднял шум, не задержал незнакомую одинокую девушку? Пожалел? Или он подпольщик и в полицию устроился, чтобы выведывать планы врагов? А может, он специально так сказал? Решил втереться в доверие, отправил известным путем, чтобы посмотреть, одна Зоя или нет. Может, она с товарищами. Глупости, остановила себя девушка. Что-то уж слишком замысловато. Не верится, чтобы враг действовал так сложно. Может, их начальство и выдумывают хитрые схемы, как найти партизан, но только не рядовые полицейские. Настоящий бы схватил за волосы и потащил к своим.

Спустившись в низинку, о которой говорил полицейский, Зоя обрадовалась. Дельный совет ей дал МIRON. Один склон скрывал ее от возмож-